

У. Дюранти
США

Перевод с английского И. Г. Игнатъевой и Н. Г. Юзефович

КРЕМЛЬ И НАРОД (фрагмент)

АННОТАЦИЯ. Перевод начального фрагмента книги У. Дюранти «Кремль и народ». Автор, Уолтер Дюранти, работал корреспондентом «Нью-Йорк таймс» в Москве (1922—1934); удостоен Пулитцеровской премии за очерки о СССР в 1932 г. В мае 2003 г. организована кампания по лишению его премии за искажение фактов голода на Украине (голодомора). В переведенном отрывке автор раскрывает свое отношение к России, русскому народу, создает портреты Сталина и его окружения и делает прогнозы о том, кто займет место руководителя СССР после смерти Сталина. Стиль журналиста направлен на создание доверительной атмосферы и убеждение читателей в подлинности сообщаемых фактов. У. Дюранти пишет с симпатией к русскому народу и большевистскому руководству.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русские; большевик; Ленин; Сталин; «новые русские».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Уолтер Дюранти, корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Москве (1922—1934).

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ: Игнатъева Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №1, МГИМО (У) — Московский государственный институт международных отношений; адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76; e-mail: irene_ignatieva@yahoo.com.

Юзефович Наталья Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет; адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68; e-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru.

СССР: «Почему» и «зачем»

Считается, что я должен понимать Россию, потому что прожил там двадцать лет и бегло говорю по-русски; я дважды брал интервью у Сталина и просто обязан знать про Россию всё. Ну так вот, всего я не знаю. Русские говорят: «Умом Россию не понять». Боюсь, что это действительно так. Я знаю достаточно об СССР, чтобы понять, как мало я знаю, потому что не могу объяснить, «какова Россия» или «как» живет. Если вы хотите получить ответы на эти вопросы, читайте русские книги, которые переведены на английский язык, такие как «На Востоке» (P. Pavlenko. *Red Planes Fly East*, Routledge & Sons, 1938; trans. Stephen Garry, NY: International Publishers, 1938) Петра Павленко^[1], «Цемент» (Fyodor Gladkov. *Cement*; trans. A.S. Arthur, C. Ashleigh. N. Y.: F. Ungar Pub. Co, 1960), «Тихий Дон» или «Войну и мир» Толстого о Наполеоне, где все правдиво, даже в большей степени правдиво сегодня, чем в 1864 г., когда роман, в котором отражен взгляд настоящего художника на события, которые произошли сто тридцать лет назад, но удивительным образом повторяются снова, был написан.

Основной вопрос в том, «почему»; только несколько книг — причем не самых коротких — могут претендовать на попытку ответить на вопрос, «какая она — Россия». И, конечно, лучше всех объясняет это художественная литература. Чехов и Достоевский расскажут о России больше, чем двадцать многословных томов. Потому что люди, как известно, не меняются, по крайней мере, не меняются быстро; человеческая природа не изменяется. Русские всегда остаются русскими. Самое замечательное в них то, что они — *такие истинно русские*, такие похожие по характеру, несмотря на то, что в СССР семьдесят девять основных языков и сотни незначительных диалектов. Все русские думают и действуют одинаково,

по-русски, и это относится как к эмигрантам периода падения царизма, так и к большевикам, оставшимся на родине. Я полагаю, что русские всегда остаются русскими, что каждый русский человек — это все тот же русский: добрый и жестокий, гостеприимный и завистливый, подозрительный и доброжелательный, щедрый; тот, кто выстрелит в тебя и глазом не моргнет, а если вдруг промахнется, тут же может расцеловать тебя в обе щеки.

Новые русские терпеть не могут, когда им такое говорят. Они думают, что поменяли окраску или сбросили свою черную эфиопскую кожу. Но нет. Они могут быть только такими, какими их сделала жизнь, такими, какими они веками формировались; мы все формируемся веками. Сущность русских в том, что они молоды, в них много ребячества; они полны силы, горячности и чепухи, свойственной юности. У них еще не было времени вырасти, потому что в течение сотен лет они более или менее охотно мирились с условиями жизни рабов. В России не было ни Великой хартии вольностей^[2], ни акта Habeas corpus^[3], ни свободы слова, ни свободы печати. Знаете ли вы то, что в 1914 г. воля царя была в России законом и для низов, и для высшего света, и никто не мог ее оспаривать? Что вся огромная страна функционировала на благо примерно пяти процентов населения, которые снимали сливки, в то время как все остальные работали на них? Что только один из пяти умел читать и писать, что высший свет жил в роскоши и блеске, затмевающей и Голливуд, в то время как все простые люди жили, словно свиньи, в грязи, болезнях и голоде?

Как я могу описать все это или все те перемены, свидетелем которых я был? Русский человек не стал другим, но процесс изменения уже начался, и он потребует значительного времени. Ленин сказал: «Дайте мне три поколения», но добавил еще кое-что: «Дайте мне пять первых

лет детства, и тогда часы истории *нельзя будет повернуть назад*. Он сказал это именно в прямом смысле, так же, как утверждают фрейдисты и иезуиты: человеческая личность складывается в самые ранние детские годы; то, что мы познаем первым, заложено глубже всего. Основной формулой государственного управления всегда была короткая фраза — «Учите детей». Ленин, без сомнения, использовал слово «дети» в буквальном смысле; как я уже говорил, в данном случае он не имел в виду детскость своего народа, который кидается из крайности в крайность, из дружбы в ненависть, из отчаяния в безудержную радость. Ленин не согласился бы с моими высказываниями, потому что ему ребячество было несвойственно. Несмотря на татарские корни, он был настоящим русским. Родился он в Симбирске, на границе нынешней Татарской республики — сегодня в его честь город переименован в Ульяновск: настоящая фамилия Ленина была Ульянов.

В один из самых запомнившихся моментов моей жизни, на следующий день после смерти Ленина, я слушал рассказ его вдовы о том, почему он стал большевиком. Оказалось, что у Ленина был старший брат, которого он любил. Брат получил образование в Санкт-Петербурге и поддерживал — как любой мальчишка в его возрасте, а ему был всего лишь двадцать один — дружеские отношения со своими одноклассниками. Он написал одному из них письмо, обычное письмо, типа «Как дела, я делаю то-то и то-то, пиши чаще, какие у тебя планы» и тому подобное — обычное письмо. Но оказалось, что одноклассник глубоко вовлечен в подготовку покушения на царя, которое произошло примерно в то же время. Царская полиция арестовала и повесила этого одноклассника, а заодно и брата Ленина, за то письмо.

Вдова Ленина рассказывала эту историю искренне, с правдивой интонацией. Она рассказывала так: «Мой муж любил своего брата. Он очень восхищался им и любил его. Хотя ему было всего восемнадцать лет, когда это случилось, он уже был достаточно взрослым, чтобы задуматься. Он думал, что свергнет всех царей с золотых престолов, потому что все, что они делали, было неправильным и не могло, не должно существовать. Никакая власть не должна иметь право вырвать молодого человека из дома и повесить как собаку только потому, что он написал письмо». Она сказала: «Мой муж понимал это и знал, что он должен делать». Он долго думал, прежде чем принять решение. Но в конце концов понял, что источник всех бед — это деньги, или, скорее — любовь к деньгам и власть денег. Он понял, что неограниченная власть денег безнравственна и омерзительна. Он прочитал книгу Карла Маркса „Капитал“, которую лично я считаю длинной, неумной и скучно написанной — все, что Маркс хотел сказать в этой длинной, неумной книге, лучше и лаконичнее изложено в памфлете под названием „Коммунистический манифест“, написанной совместно с Фридрихом Энгельсом. И Ленин в свои 18 лет понял, где ключ к решению проблемы. «Поэтому, — сказала его вдова, — Владимир Ильич Ульянов стал марксистом», и все знают, что он превратил одну шестую часть всей земли в

марксистскую, и завтра таких стран может стать больше, если так решит Сталин.

Я объяснил, *каким был Ленин*, а не «почему» и не «как». Именно «каким». «Каким был Ленин», если на его похороны в Москве пришли 750 000 человек и стояли в снегу около пяти часов на тридцатиградусном морозе, чтобы получить честь и право зайти в комнату, где лежало тело Ленина, и попрощаться со своим вождем. Репортаж об этом писался как бы сам собой: я видел то, чему был свидетелем, и рассказывал, невзирая на требуемый объем статьи — десять тысяч слов в день. Редактор журнала *Atlantic Monthly* господин Седжвик, с которым я лично не был знаком, совершенно неожиданно прислал мне похвальное письмо: «Ваш рассказ о Ленине грандиозен». Не так часто доводится репортеру слышать такую оценку, но, когда так случается, то это очень приятно.

Если вы поняли смысл этого не совсем скромного абзаца, он заключается в том, что я *могу* объяснить, «какой была Россия», но не буду этого делать. Сейчас важно понять «почему», а единственный способ узнать это заключается в том, чтобы вернуться к истокам, понять причины того, что происходит.

Позвольте мне сейчас просто объяснить, какую книгу я стараюсь написать. После убийства Кирова в 1934 г. я наблюдал постепенное развитие активности нацистов, которая была направлена против СССР и достигла кульминации 22 июня 1941 г. Не думайте, что трибуналы и чистки отошли в прошлое, что они только абстракции. Люди, которые имеют к этому отношение, мертвы... насколько я понимаю, ...они превратились в прах; но причины, которые стоят за их безумствами, или преступлениями, или злодеяниями объясняют, почему Россия сегодня такая, какая есть, почему Россия сражается в войне столь мужественно.

В этом месте я бы хотел отвлечься и кое-что объяснить. Как вы поняли, я — репортер, и мне безразличны все «эти идеи»; мне не интересны все эти «измы» и «логии». Я просто хочу найти истину и рассказать о ней в полную силу своих способностей.

Я думал, если вам интересно узнать мое мнение, что большевики омерзительны: я был в Латвии в конце 1919 — начале 1920 г. на стороне армии, сражавшейся с красными. И победившей их — именно Латышская армия одержала победу; красные потерпели поражение единственный раз, потеряв территорию латышской провинции Латгалии, откуда они были изгнаны. Я встречался со многими людьми, которые пережили ад большевистской революции. Я считал большевиков ужасными. Более того, в последний год Первой мировой войны в ставке французского командования, где я тогда находился, все верили, что большевики чуть не убили нас, что Брестский мирный договор — предательский по отношению к союзникам, дающий возможность миллиону немцев перейти в наступление на линии фронта союзников. Что они и сделали в марте 1918 г., разбив на голову британскую армию, а это для понимающих людей означало, что дорога на Париж открыта со всеми вытекающими последствиями. С марта по июль казалось, что немцы вы-

игрывают из-за этого большевистского мира — уж мне-то этого не знать! 15 июля, в день решительного наступления, в штабе французской армии мне сказали: «Пиши очерк, но напиши его пессимистично. Американские солдаты прибывают по полмиллиона в месяц, поэтому мы не очень боимся, но мы можем потерять Париж, или Париж будет обстрелян — вот в чем проблема, поэтому пусть очерк будет пессимистичным. Опиши все в мрачных красках, чтобы твои соотечественники узнали о том, как все еще сильны немцы и как нам нужна помощь».

Так получилось, что нападение было отражено. Четвертая армия под командованием Гуро ^[4] остановила немцев в месте их основного удара, а в центре фронта находились американцы, помогавшие французам выстоять. Четыре дня спустя, 19 июля, французы перешли в контрнаступление под Суассоном, но и тогда в штабе сомневались в исходе, особенно в самом начале. Они говорили: «Не называйте это контрнаступлением, можете написать, что наши войска атакуют, но не называйте это контрнаступлением». Я говорю вам правду, и это примечательно. Так они сказали в 9 утра, но в полдень они сказали: «Теперь можете написать, что силы союзников — войска Франции, Великобритании и Америки — атакуют врага на протяжении восьмидесяти миль ^[5] фронта под Суассоном и потеснили немцев на всех направлениях. Впервые в этом году инициатива перешла к союзникам». Они смогли ее удержать, и через три месяца война закончилась.

Как бы то ни было, в августе 1921 г. я отправился в Москву в составе миссии Американской администрации помощи (ААП), возглавляемой Гербертом Гувером ^[6], призванной оказать помощь в борьбе с ужасным голодом, который угрожал жизни тридцати миллионов людей: в самый пик голода миссия кормила одиннадцать миллионов мужчин, женщин и детей, спасая их жизни, — так вот, когда я ехал в Москву, я считал большевиков ужасными. Я думал, что они приматы-убийцы, враги Господа и человека. Да, так я думал. Но вот что странно: когда вы помогаете людям, пусть даже таким способом, как помогал им я — писал репортажи о том, что делает для русских Американская администрация помощи — так вот, когда помогаешь людям, они начинают тебе нравиться. Все сотрудники ААП чувствовали что-то подобное; им не нравились большевики, но они помогали им, во всяком случае, помогали русским в час самой безысходной нужды. Если бы не наша помощь, русские бы умирали как мухи, они и умирали, но мы помогали им выжить, и вынуждены были их полюбить — это психологическая закономерность. И тогда я сказал себе: «Ну ладно, пожалуй, мне нравятся русские. Возможно, они действительно настолько плохие, как я считал, но мне, пожалуй, русские нравятся. И, как бы там ни было, что мне за дело? Они же не моих родных убили». Таков был, если позволите так выразиться, первый этап моего обучения.

Следующий наступил позже, когда я выбрал Сталина из шести возможных преемников Ленина. Где-то в 1923 г. я понял, что на плече Ленина — рука смерти. Я знал, что он обречен, и всмотрелся в его окружение, чтобы понять, кто из них сможет

принять факел из его рук. Я выбрал именно Сталина по причинам, которые слишком долго здесь излагать; я выбрал его и поддерживал его все это время, как поддерживают лошадь на скачках. Однажды он сам сказал мне: «Ты поставил на правильную лошадь». Сталин якобы говорил о России, но и он знал, и я знал, что в действительности он говорил о себе: я выбрал его первым и поставил на него. На него, а не на Троцкого или Тухачевского, не на Ягоду или Бухарина, не на кого-либо другого.

Я оказывал поддержку Сталину, как вы поддерживаете лошадь, если вы думаете, что это — «ваша» лошадь; она может принадлежать кому угодно, но вы думаете о ней как о *своей* лошади, потому что всегда делали на нее ставки. Так я думал о России, так я думаю о Сталине. Меня не интересует ни социализм, ни тоталитаризм, ни какой-либо другой из их «измов». Ну, возможно, когда-нибудь в будущем это покажется интересно, но вряд ли сегодня и явно не для нас. Может, русским будет хорошо с государственным капитализмом, который не совсем социализм и который, конечно, совсем не коммунизм, но почему *мы* должны идти их путем? Я считаю, что наш путь ясен, мы движемся в сторону контролируемого государством капитализма, а социализм, свидетелем которому в СССР я был, на данный момент особо не работает.

Позвольте мне рассказать одну занимательную историю. Для этого придется потревожить прах тех людей, которые проиграли, исчезли и, если я не вытащу их на свет, наверное, о них забудут, но эта история также объясняет «почему» сегодняшнего дня: почему Германия воюет с Россией и почему Россия сдерживает немцев.

Сначала, однако, следует рассказать кое-что о людях, которые управляют сегодня СССР. Несомненно, что в центре — Сталин, невысокий грузин чуть более шестидесяти лет, плотного телосложения, физически сильный и с седеющей буйной шевелюрой и усами. Он получил хорошее образование в духовной семинарии, из которой был исключен за «подстрекательскую деятельность». Однажды я спросил его, почему он выбрал имя Сталин — его настоящее имя Иосиф Виссарионович Джугашвили. Я думал, что, вероятно, он когда-то проводил подпольную работу на каком-нибудь сталелитейном заводе, и поэтому взял себе имя Сталин. Равно как Ленин взял псевдоним по названию реки, поскольку был потрясен массовыми расстрелами рабочих во время забастовки на золотых приисках на реке Лена, и с тех пор в знак памяти подписывался «Ленин». Сталин пожал плечами и улыбнулся — у него очень привлекательная улыбка, но глаза могут быть холодными как сталь, что мне хорошо известно: при первой беседе с ним какая-то моя фраза его рассердила, и он на меня *так* посмотрел, что я почувствовал тревогу — но он сказал: «Нет, ничего подобного, имя появилось само собой, а мои друзья решили, что оно мне подходит». У него хорошее здоровье, но говорят, что у него расширены отделы сердца — не смертельно и жизни не угрожает, но требуется исключить тяжелые физические нагрузки.

Рассказывали, что несколько лет назад, прежде чем нацисты вошли в Вену, один из ведущих венских специалистов в области кардиологии

внезапно вылетел куда-то на восток. На следующий день он прибыл в Москву в Кремль. За очень большое вознаграждение его попросили дать заключение о здоровье Сталина. Он обследовал вождя очень тщательно, затем его провели в соседнюю комнату и попросили написать отчет. После того, как отчет был закончен, он решил, что на этом история закончилась, но не тут-то было. Они провели его обратно и попросили обследовать *другого* Сталина, и еще одного, и еще... Всего их было пять, и о состоянии здоровья каждого надо было написать отчет. Для него они все выглядели одинаково или почти одинаково, за исключением диагнозов. Один не должен был прожить и трех месяцев, другой был также приговорен, у одного были расширены отделы сердца, но при соблюдении осторожности он мог прожить и двадцать лет. У следующего вообще никаких проблем не было, а у еще одного обнаружился слабый шум в сердце. Профессор подготовил заключения и улетел обратно в родную Вену; но он не знал и не мог никому рассказать, который из Сталинов был болен или здоров. Думаю, что это — прелестный рассказ, но боюсь, что в нем нет ни капли правды. Профессор, о котором идет речь, действительно однажды срочно вылетел на восток, отменив все встречи, но летал он в Бухарест ради королевы Румынии Марии.

Сталин является правителем СССР; в его руках сосредоточена такая власть над огромным количеством людей, которой до него не обладал никто, за исключением разве что несравненного Александра Македонского, правителя Македонии и всего мира. Сталин скромно и говорит тихим голосом, мало жестикулируя. Во время публичных выступлений он использует записи исключительно для цифровых данных. Он — не самый выдающийся оратор, но говорит так, что каждое слово имеет особый вес. Однажды я написал заметку в «Нью-Йорк таймс», основываясь на докладе Хаклюта^[7] о визите посланника Ее Величества Королевы Елизаветы на судебное заседание времен Ивана Грозного. Я, безусловно, подразумевал аналогию между Иваном и Сталиным, и коммунистическая газетка в Нью-Йорке подняла шум, заявив, что меня надо расстрелять за *lèse-majesté* — оскорбление монарха, государственную измену или что-то в этом роде. Но позднее Карл Радек, который в то время был все еще дружен со Сталиным, рассказал мне, что Сталин прочитал мою статью и хорошо о ней отозвался. Его самые выдающиеся качества — это настойчивость и трезвая оценка людей и событий. Он — грузин, а грузины — «горячий» народ, как ирландцы, но Сталин научился контролировать свой горячий темперамент и сохранять спокойствие.

Следующий — это Жданов, крупный мужчина, слегка за сорок, который, как говорят, станет преемником Сталина; в настоящий момент он является политическим боссом Ленинграда. Самый живой ум в Кремле, теоретик марксизма, без сомнения предан Сталину, как, впрочем, и все остальные. Сталин выбирал людей, с которыми он работал в прежние времена.

Все они — Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян и остальные — в прежние времена рабо-

тали с ним под большим давлением. Они ему доверяют, а он доверяет им. Среди них есть двое молодых людей, слишком молодых, они не могли работать с ним раньше; это — Жданов и Берия, народный комиссар внутренних дел, или НКВД, известного также как ОГПУ. Я думаю, что в моем списке он — третий.

Берия — высокий, привлекательный грузин, с ученой внешностью, носит пенсне, образованный, также слегка за сорок. Он прекратил «чистки», чем, возможно, спас весь режим, что о многом говорит.

Молотов — народный комиссар иностранных дел, здоровяк, основательный человек, никогда не был гением, но на него всегда можно положиться. Когда Сталин попросил Ленина принять Молотова в Центральный комитет партии, Ленин ответил: «Почему этого? ...Хороший, скучный, трудолюбивый, если хочешь, то почему нет? ...но я не совсем понимаю... По моему мнению, он во всей Москве лучший офисный служащий».

Пожалуй, Ленин был не прав только этот единственный раз. Я имею в виду то, что Молотов, может быть, и излишне трудолюбив, и точно очень скучный оратор, но тем не менее он оказался на своем месте. Он вырос на своем посту, не блестящий, но всегда такой основательный тип человека, который необходим любому кораблю под названием «Государство» как балласт, тот, на ком лежит вся административная работа.

Каганович — единственный еврей в Политбюро; высокий, умный и довольно веселый. Некоторые иностранные обозреватели считают, что его звезда зашла за тучу, но в моем рейтинге он стоит высоко. Я встретил его однажды на обеде в честь строителей метро. Вы же слышали о Московском метро — как они строили его на энтузиазме и тяжелом труде, воплотив в жизнь крестьянскую мечту: сверкающий мрамор и море цвета, чтобы «догнать и перегнать Америку!» — они превратили этот лозунг в жизнь с помощью Московского метро, и теперь крестьяне приезжают и восхищаются. Честно говоря, на фоне Московского метро подземка Нью-Йорка выглядит как грязная монетка; Московское метро работает, может быть, не так хорошо, как Нью-Йоркское, но работает, а смотрится, как царь Соломон во всем своем великолепии. Каганович построил самое удивительное метро. Он — самый лучший кремлевский игрок, «пинч-хиттер»^[8]. Когда Каганович был назначен народным комиссаром тяжелой промышленности, она была полностью разрушена, но он ее восстановил; а сегодня он — народный комиссар нефтяной промышленности, без которой страна не сможет участвовать в современной войне.

Ворошилов, народный комиссар обороны, по основательности превосходит Молотова. Он популярен в армии и в стране, его инспекционная поездка по Сибири дает мне основание сравнить его речи с посланиями святого апостола Павла^[9]. Его слава вполне заслужена. Ворошилову около шестидесяти, но он до сих пор является одним из лучших стрелков из пистолета в Красной армии.

Из военных я бы выделил Шапошникова, начальника Генерального штаба, старшего по возрасту, окончившего с отличием Императорскую военную академию^[10]. Он был, я думаю, полков-

ником, в любом случае, кадровым офицером в царской армии во время последней войны.

Еще один достойный человек из окружения Сталина — Тимошенко, осмотнительный и мыслящий. Мне было непонятно, как так произошло, что, напад на Россию, немцам удалось захватить тысячи танков и самолетов и бог знает чего еще, взять в плен множество людей, что утверждалось в первых немецких коммюнике. Внешние зоны на тех территориях Польши, Белоруссии, Финляндии и Прибалтики, которые СССР «вернула себе», оказались зонами обстрела, чтобы измотать и задержать немецкие танковые силы. Я не понимал, почему маршал Тимошенко, советский генералиссимус, крепко сколоченный, упрямый украинец, мог подставить под удар свои основные военные силы и технику на этих удаленных территориях. Ответ заключался в том, что он и не подставлял. У него был свой план ведения войны, и он встретил немцев фронтальным ударом на своем «поле битвы» под Смоленском и на всем протяжении старых границ от Одессы до Ленинграда. Немцы прорвались на украинскую территорию, потому что там удобно проходить танкам: земля ровная и без леса.

Маршал Буденный является самым колоритным из советских военных: типичный казак, жестокий как смерть и крепкий как камень. У него длинные казацкие усы и особый казацкий «шик»; он много пил, много ругался, отличный наездник — настоящий воин уровня Стюарта^[11] или Мюрата^[12]. Низкорослый, коренастый, крепкий как дуб, первый боец среди равных. Много историй известно о Буденном, но у меня нет времени их рассказывать; он — великолепный партизан, но не стратег. Мозги есть у начальника штаба, а у Буденного есть то, что необходимо России этой холодной и суровой зимой: отвага человека, который никогда не признает, что проиграл.

Следующий в окружении Сталина — Микоян, пронзительный, черноглазый армянин, очень аккуратный; ему около пятидесяти лет. Он — народный комиссар торговли и чрезвычайно близок к Сталину.

Еще один важный человек в кремлевской иерархии — Андреев, совесть партии; он возглавляет Комиссию партийного контроля, которая думает, как партия должна думать. А Калинин — старый крестьянский председатель — думает, как думают крестьяне.

Теперь у вас есть представление о тех, кто управляет Россией, и, если бы я мог делать ставки, я бы распределил их в таком порядке: Сталин — первый, вторыми идут Жданов и Берия, третьими — Микоян и Каганович.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Петр Павленко (1899—1951) — советский писатель, сценарист, военный корреспондент; писал в стиле псевдореализма. В книге-утопии «На Востоке» Советский Союз захватывает Японию под вдохновляющим руководством Сталина.

[2]. «Грамота, подписанная английским королем Иоанном Безземельным 15 июня 1215 г., гарантирующая права баронов» [Большая советская энциклопедия]. Считается первым документом, закрепляющим права вассалов.

[3]. *Habeas corpus*, полное название — «Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями» (т. е. вне пределов Англии), — существовавшее издревле, по некоторым данным, еще до Великой хартии вольностей, понятие английского права, гарантирующее личную свободу [БЭС].

[4]. Анри Жозеф Эжен Гурё (Henri Joseph Eugène Gouraud), 1867—1946, французский генерал, участник колониальных войн в Африке, военный губернатор Парижа. В 1914 г. назначен главнокомандующим войсками в Западном Марокко и после начала Первой мировой войны во главе 4-й бригады колониальных марокканских войск отправлен в Европу. 15.09. произведен в дивизионные генералы и назначен командиром 10-й пехотной дивизии. В январе 1915 г. император Николай II пожаловал ему орден Св. Георгия 4-й степени.

[5]. 80 миль — 128,75 км.

[6]. Гувер (в 1929—1933 гг. — президент США от Республиканской партии) в 1918—1923 гг. возглавлял American Relief Administration (ARA), оказывая помощь России продовольствием в 1921—1923 гг.

[7]. Ричард Хаклит Richard Hakluyt (встречается также написание Хаклюйт, Хаклют, Гаклюйт), 1552/3?—1616, — прозаик эпохи Елизаветы, идеолог английской колонизации; описал открытия англичан в сборнике «Великие географические открытия и путешествия» (The principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English nation, 1589) [Richard Hakluyt]

[8]. «Пинч-хиттер» — в крикете и бейсболе игрок, выходящий на замену в экстренных случаях, обычно когда надо срочно сделать игру, набрав быстро очки.

[9]. В своих четырнадцати дошедших до настоящего времени посланиях святой апостол Павел обращался к членам различных христианских общин (галатам, коринфянам, фессалоникийцам, римлянам), разъясняя основы веры; он осуждал недопустимое поведение некоторых членов общин, выступал против внутреннего раздора и клеймил его зачинщиков.

[10]. Официальное название при создании, в 1855 г. переименована в Николаевскую академию Генерального штаба в память императора Николая I, с 1909 г. — Императорская Николаевская военная академия.

[11]. Джей Юэлл Браун Стюарт (James Ewell Brown Stuart), известен как «Джеб» Стюарт (J. E. B. Stuart), 1833—1864; выдающийся американский кавалерист, генерал-майор армии Конфедерации.

[12]. Иохим Мюрат (Joachim Murat, по-французски произносится *Мюра*), маршал; король Неаполитанского государства в 1808—1815 гг. (награжден Наполеоном в 1808 г. за выдающуюся храбрость). Наполеон: «Не было более решительного, бесстрашного и блестящего кавалерийского начальника... Он был моей правой рукой, но, предоставленный самому себе, терял всю энергию. В виду неприятеля Мюрат превосходил храбростью всех на свете, в поле он был настоящим рыцарем, в кабинете — хвастуном без ума и решительности» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона).

ЛИТЕРАТУРА

1. Duranty W. The Kremlin and the People. — L. : Hamish Hamilton, 1942.
2. Richard Hakluyt // Encyclopedia Britannica. URL: <http://global.britannica.com/biography/Richard-Hakluyt>.

W. Duranty
USA

Translation from English by I. G. Ignateva, N. G. Iuzefovich

THE KREMLIN AND THE PEOPLE (fragment)

ABSTRACT. This is a translation of a fragment from the beginning of the book by W. Duranty *The Kremlin and the People*. The au-

thor of the book, Walter Duranty, was a New York Times correspondent in Moscow in 1922—34 and was awarded Pulitzer Prize for his essays on Russia in 1932. In May, 2003 a campaign was launched to deprive him of the prize for distorting the facts of hunger in the Ukraine (Holodomor). In the given fragment, the author shows his attitude to Russia and the Russian people, creates the portraits of Stalin and his entourage and makes predictions about the future USSR leader after Stalin's death. The style of the journalist is aimed at creation of the atmosphere of trust and the feeling of authenticity of the described events. Walter Duranty writes about the Russian people and the Bolshevik leaders with evident sympathy.

KEYWORDS: Russians; Bolshevik; Lenin; Stalin; new Russians.

ABOUT THE AUTHOR: Walter Duranty, 1932 Pulitzer Prize winner for his essays on Russia, was a New York Times correspondent in Moscow in 1922—34. His name has become notorious as in 2003 he was accused of distorting the Ukrainian Holodomor in his essays.

ABOUT THE TRANSLATORS: Ignat'eva Irina Gennad'evna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of English № 1, Moscow State University of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia.

Iuzefovich Natal'ya Grigor'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology and Intercultural Communication, Pacific National University for the Humanities, Khabarovsk, Russia.

REFERENCES

1. Duranty W. The Kremlin and the People. — L. : Hamish Hamilton, 1942.
2. Richard Hakluyt // Encyclopedia Britannica. URL: <http://global.britannica.com/biography/Richard-Hakluyt>.